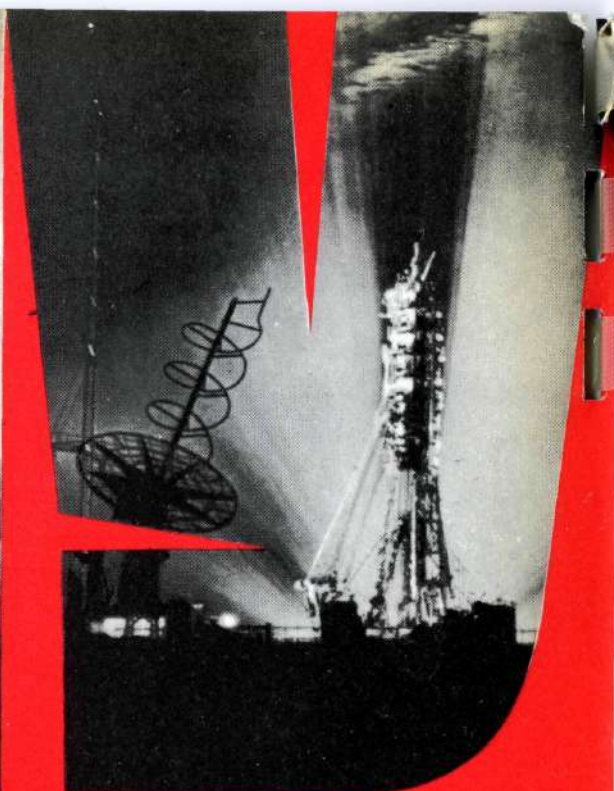
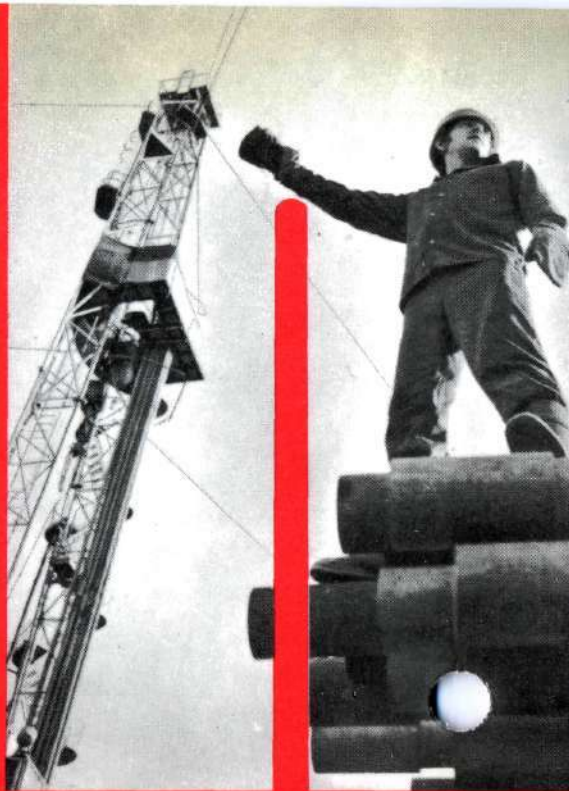

КРУГОЗОР 77

Годы —
трудовые,
огневые,
жар
отцовской
юности
в груди...
Пятилеток
вехи
пусковые,
словно
звезды,
светят
вперед.
Я
иду
в грядущее
сквозь
годы,
и растут,
как
крылья
за спиной,
города,
дороги
и заводы,
на земле
построенные
мною!

В ЗВУКОВУЮ ЛЕТОПИСЬ СТРАНЫ СОВЕТОВ

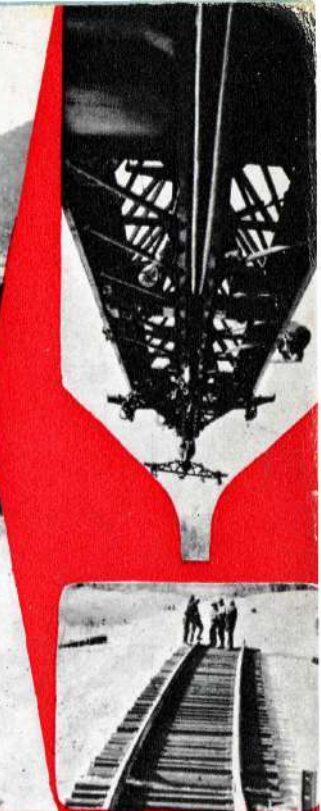
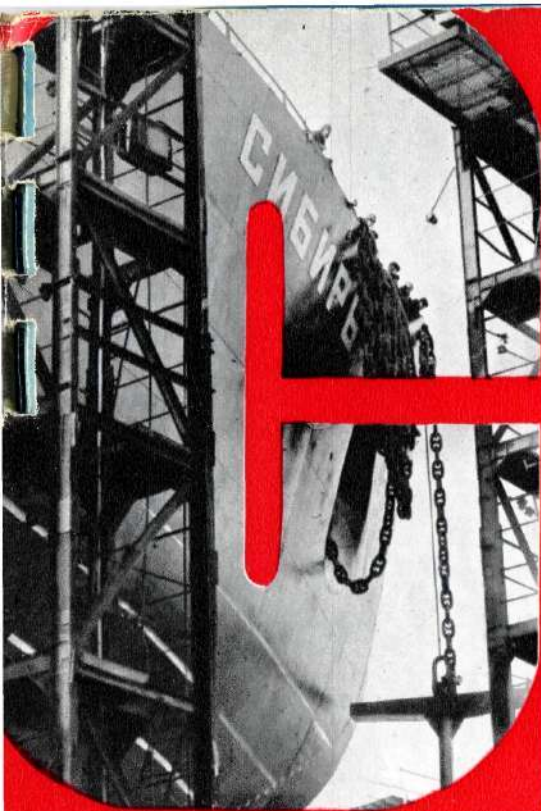
«Пуск!..» Короткое слово, а сколько у него слов-братьев! Вспомним недавний запуск нашего «Союза» на стыковку с американским кораблем «Аполлон». Или спуск на воду нового атомохода. Пуск физической установки «Токамак-10», на которой впервые зарегистрировали устойчивую термоядерную реакцию. Первый поезд на БАМе—это ведь тоже пуск. А такие выражения: пусковой период на стройке, пусковой объект пятилетки, выпуск нового самолета,— разве они не о том же?

Я очень люблю один московский дом. Не потому, что он красивее других. Хотя он действительно красив. Но на улице Горького множество домов, по-разному привлекательных. И все же этот для меня дороже всех других.

Кажется, я знаю о нем все. Известно, например, что фашисты везли к стенам нашей столицы, в падении которой не сомневались, глыбы красного гранита—они хотели соорудить из них памятник «великому рейху». А советские

люди по праву победителей фашизма взяли и использовали этот красный гранит по его прямому назначению: он лег в стены первых послевоенных зданий на улице Горького. И в стены этого дома № 9. Люди, хорошо знающие Москву, скажут, о каком доме идет речь: он расположен между Центральным телеграфом и зданием Моссовета. Дом, ставший началом моей биографии строителя: в октябре 1947 года я, выпускник школы ФЗО, укладывал там свои первые кирпичи. Дом, как бы соединивший прошлое с будущим...

Много потом было пусковых объектов у нашей бригады. На Песчаной, на Варшавском шоссе, в Кожухове, в Черемушках, в Чертанове. Но именно с той поры пришла, как говорят, пристала к рукам уверенность рабочего человека, возникло в нас это прекрасное ощущение: «Могут!» Потом появился опыт. Появилось качество. И уже добрый десяток лет бригада наша сдает дома только на «хорошо» и «отлично». А жильцам вместе с ключами мы выдаем гарантийные паспорта, иными словами, москвичам гарантируется качество их новых квартир.

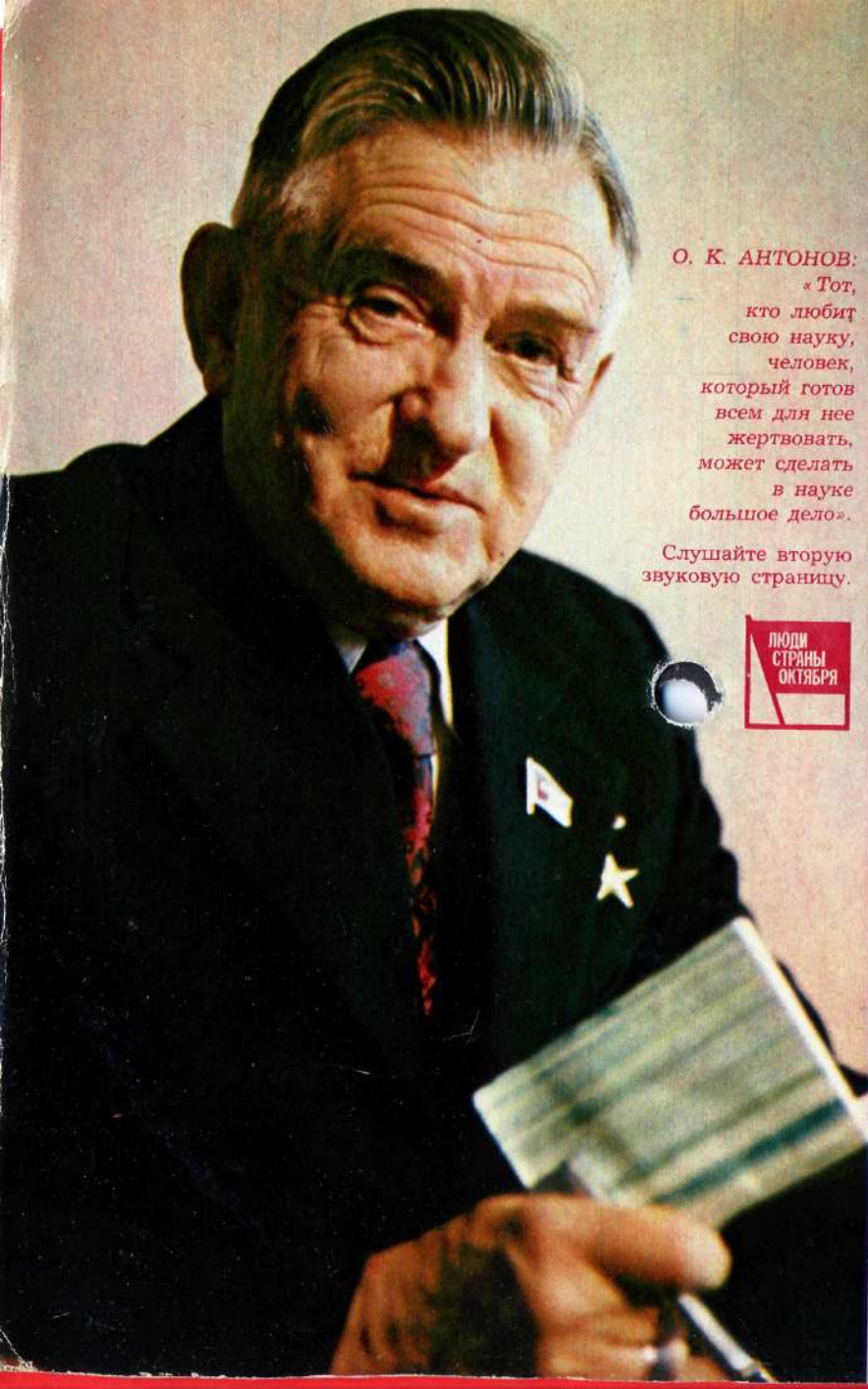
Биография нашей страны, вступившей в свой шестидесятый год — это, по существу, непрерывная цепь пусков. Непрерывная! Даже в войну, читал я об этом, разместили на танковом заводе заказ на большую партию тракторов, потому что нельзя было забывать о завтрашнем дне. И едва освобождали наши войска какой-нибудь город, как в газетах появлялись рапорты о пуске восстановленного предприятия, о сдаче нового дома.

Непрерывная цепь пусков. Своеобразная эстафета, которую поколение передает поколению. От Шатуры до Братска и Нулека. От Комсомольска-на-Амуре до Комсомольска-на-Днепре, от корчагинской узкоколейки до Байкало-Амурской магистрали. От стахановцев первых пятилеток до новаторов пятилетки десятой. Сегодня — рекорд, завтра — норма! Так ведь и в строительстве: перекрытия уже завершеного этажа служат основанием для следующего...

В. ЗАТВОРНИЦКИЙ,
бригадир комплексной бригады Главмосстроя,
Герой Социалистического Труда, делегат XXV съезда КПСС

Первая звуковая страница —
«Твоя судьба в судьбе твоей страны» —
звуковой плакат «Кругозора»,
подготовленный Б. Вахнюком:

- Космический запуск.
- Выстрел носового орудия легендарной «Авроры», повторенный полвека спустя.
- Фрагменты выступлений В. И. Ленина, Г. К. Орджоникидзе, стахановки Клавды Сахаровой.
- Клятва гвардейцев. Декабрь 1941 года. Подмосковье.
- Подписание акта о безоговорочной капитуляции. Май 1945 года. Берлин.
- Взрыв в Лебединском рудном карьере Курской магнитной аномалии.
- Перекрытие Енисея на месте будущей плотины Саяно-Шушенской ГЭС.
- Гудок атомохода «Ленин».
- Первая промышленная скважина Самотлора.
- Первый поезд на БАМе.

О. К. АНТОНОВ:

*«Тот,
кто любит
свою науку,
человек,
который готов
всем для нее
жертвовать,
может сделать
в науке
большое дело».*

Слушайте вторую
звуковую страницу.

На второй звуковой странице вас ожидает встреча с ученым, государственным деятелем, авиаконструктором, создателем самолетов, курсирующих на всех воздушных линиях Советского Союза и на трассах 46 зарубежных стран. Это Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственной премий, депутат Верховного Совета СССР академик Олег Константинович Антонов.

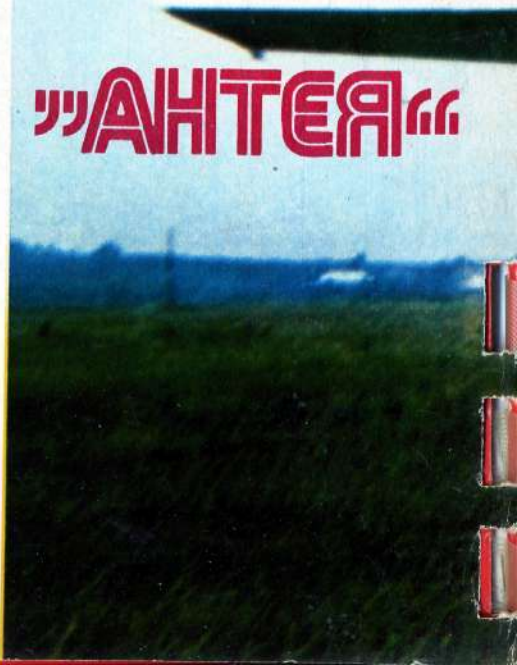
Кому теперь не известны воздушные машины разных типов и всевозможного назначения с маркой «АН» на борту? А началось все с планера.

Было это в двадцатые годы. Именно тогда 14-летний саратовский школьник Олег Антонов начал свой путь в небо. В летную школу его не приняли: слишком мал. И он решил: «Раз хочется летать, а не на чем, надо построить то, на чем можно летать».

И вот появился первый антоновский планер «Голубь».

КРЫЛЬЯ

“АНТЕЯ”

Он строил, чтобы летать. И летал. На первом, построенном с друзьями планере, и на всех своих машинах, а сделал он их немало.

Более 30 типов планеров сконструировал Олег Константинович.

На планерах Антонова установлен не один десяток мировых рекордов. Для многих летчиков путь в авиацию начинался за штурвалом планера.

«Планеризм — это простота плюс дешевизна, плюс хорошая аэродинамика. Перенесение этих качеств в легкомоторную авиацию даст огромные достижения» — с таким прицелом подходил тридцатилетний Антонов к созданию своего будущего самолета. Но в эти планы вмешалась война. Планер для фронта конструкции Антонова был создан и запущен в серийное производство. Почти всю войну летали эти планеры в тыл врага. Доставляли партизанам продукты, медикаменты, оружие, а обратно вывозили раненых.

Сразу после войны смог вернуться конструктор к созданию самолета, о котором он мечтал. Антонову поручают организовать конструкторское бюро и спроектировать самолет для нужд сельского хозяйства. В 1947 году в небо поднимается машина, которую сегодня знают во всем мире, — «АН-2». Короткий взлет и посадка, безопасность в полете, простота в эксплуатации — вот что характеризует этот самолет. «АН-2» — знаменитая «Аннушка» — имеет 20 модификаций и используется более чем на 40 видах работ. 25 лет с лишним «АН-2» выпускается серийно. Он обслуживает тысячи населенных пунктов и перевоз миллионы пассажиров только в нашей стране.

За создание этой машины Антонову и группе ведущих специалистов в 1952 году была присуждена Государственная премия. А в небо уходили новые и новые машины: «АН-8», «АН-10» «АН-12»... и, наконец, «Антей» — машина, о которой

сам Олег Константинович сказал: «Мы знали, что такие самолеты нашей стране очень нужны. Но только после того, как мы создали «Антя», мы увидели, насколько сегодня необходим такой большой транспортный самолет».

Сегодня коллектив конструкторского бюро работает над новой машиной, машиной современной, а главное, очень нужной нашей стране, нашему народу.

О своей роли в создании самолетов Главный конструктор говорит так: «В названии самолетов нашего конструкторского бюро значится моя фамилия. Но было бы наивным считать, что «Аны» — плод только моей работы. К примеру, если бы все, кто принимал непосредственное участие в создании «Антя», поставили на нем свои автографы, то им не хватило бы места...»

Юрий ДЗАРДАНОВ

Фото Л. Лазарева

Всесоюзному читателю, и прежде всего молодому читателю, имя латышского поэта Фрициса Барды, вероятно, незнакомо. Я добавил бы, к сожалению, незнакомо. Проживший короткую жизнь (1880—1919), он оставил заметный след в латышской поэзии. Это след человека, ступавшего босиком по мягким росистым травам своего хутора Румоняс. Народный учитель, он при жизни успел увидеть только одну книгу своих стихов — «Сын земли». Из строк поэта вятно и выразительно встает природа, встают люди янтарного берега.

Слово Фрициса Барды обладает раздумчивой песенностью. У человека, мечтает поэт, должны быть «звезда в

изголовье, солнце — в ногах». Пейзажист и философ, Барда труден для перевода: это судьба каждого истинного поэта. Людмила Копылова, переведшая целую книгу стихов латышского классика, силой таланта и упорством, долготерпением и постоянством поиска одолела стоявшие перед ней преграды.

Читателю, особенно молодому, радостно открывать доселе неизвестного ему поэта. Глубоко уверен, что это открытие произойдет и сейчас, когда кончится это предисловие и начнутся переводы молодой поэтессы Людмилы Копыловой из Фрициса Барды. Познакомимся с ними!

Лев ОЗЕРОВ

Фрицис БАРДА

ОТЕЦ

(Из цикла «Бедность»)

Когда я с работы тащусь в полумраке
и ноги как будто уже не идут,
то вижу, как дома
пять пар незабудок
вокруг каравая по лавкам цветут.
Куницей коричневой горбится хлеб —
глядят малолетки мои, присмирив,
глядят человечки и слюнки глотают,
меня поджидают...
Но, стоит к кунице

с ножом подступиться,
опять отчего-то рука задрожит
и мутой слеза на глаза набежит.
Но каждый мой цветок,
лучист и глазаст,
сиянием солнечным
тут же обдаст.
И возле некрашеной крышки стола
почудится — ветвью весна повела,
источники синие зашевелились —
и вот уже слезы мои откатились.
Но, лежа в постели,
у дна на краю
приму еженощную муку мою:
опять примерещится ржавый топор,
которым я душу себе раскрою.

ГРАНИЦЫ

Не стану отрицать границ
меж недоступным и доступным.
Но тшусь глухую тьму страниц
pronзить познанием минутным.
Мой дух, томясь такой тоской,
не раз перелетал границы,
куда бредущему с клюкой
и за сто лет не дотащиться.
До этих далей на веку
не дохромаешь в мерном шаге —

они даются смельчаку
внезапно, в огневой отваге.
Вам у границ застрять, слепцы!
Но ваших выгод не отъемлю
в быту, где голый практицизм
ногой нащупывает эмоцию.
А я пчелою вознесусь
над льдом границ —
к цветам вселенной.
И не беда, коль заблужусь
и не вернусь в мой улей бедный:

МОЙ КОЛОДЕЦ

На тихом лугу перед домом
колодезь с белеющим дном
хоронится в срубе замшелом,
в зеленом венке травяном.
К нему наклоняется ива
всей тенью седой головы,
и луч, как паук серебристый,
колеблется в сетке листьев.
На белой песчаной подушке
вздремнула вода.
Но тотчас
спросонья глядит в поднебесье
зрачками расширенных глаз.
К ней облако, ветром гонимо,
снижается дух перевести.
Ночами же звезд и созвездий
в ее колыбели не счесть.
А в сумерках, пыльный, сморенный,
я тоже гляжу в глубину —
со звездами и облаками
товарищем влагу тяну.
О влага земная! С тоскою
к земле, словно сын, припаду,
хоть знаю: опять за звездою,
за синей звездою уйду.

МОЯ ПЕСНЯ

Кому я пою мою песню?
Зеленой траве и метлице.
И синему небу. И ветру.
Крапивнику — крохотной птице.
И мху — его лапам медвежьим.
Звезде над рассветной чертою.
Пыльце, задымившей орешник
цветением — мглой золотом.
И белому замку надежды,
что теплой звездою согрета.
Безумцу, что плачет о крыльях.
Душе, что осталась без света.

ДАЛИ

Мы знаем: простая иллюзия зренья —
что небо с землею

идет на сближенье.
Но все же нас будто околдовали,
по-детски доверчиво тянемся в дали.
Мы в детстве туманом —
в парном молоке —
брели, как по макам, по этой тоске.
И старцами трудим без устали око.
А близкое небо все так же далеко,
хотя все прелестней выводит узоры:
то замки из сказки, то сизые горы,
то белые роци на тышке высот, —
и сердце бессмысленно
рвется вперед.

Вперед и вперед!

Напоследок взглядишь:
трепещет, как синяя бабочка, вись!
Так рвемся и тащимся
и счастливы, может,
что плач по высотам
нам в душу заложен.
Перевела с латышского
Людмила Копылова

**«Пускай ты умер!..
Но в песне смелых и сильных духом
всегда ты будешь живым примером,
призывом гордым к свободе, к свету!» —
это из «Песни о Соколе»,
любимого произведения
Героя Советского Союза Николая Кузнецова.
Слушайте третью звуковую страницу.**

ЮНОШЕ, ОБДУМЫВАЮЩЕМУ ЖИТЬЕ

...Пауль Зиберт — советский разведчик Николай Кузнецов. Это он среди белого дня в самом центре Ровно выстрелом из пистолета сразил наповал председателя военного суда Альфреда Функа. Это он ликвидировал помощников Коха — Пауля Даргеля и Германа Кнута. Это от его карающей руки пал вице-губернатор Галиции генерал Бауэр. Это он доставил живьем к партизанам шефа карательных подразделений генерала фон Ильгена.

Бесстрашно ходил он по тропе, петлявшей между жизнью и смертью.

«25 августа 1942 года в 24 час. 05 мин. спустился я на парашюте, чтобы нещадно мстить за кровь и слезы наших матерей и братьев, которые стонут под ярмом немецких оккупантов.

11 месяцев я изучал врага, пользуясь мундиром немецкого офицера. Я готовился к смертельному для врага удару, пробивался в самое логово сатрапа — немецкого тирана на Украине Эриха Коха...»

Это из письма-завещания, датированного 24 июля 1943 года. Через пять дней — 29 июля — в Ровно должен был состояться военный парад. Командование предполагало, что принимать его будет лично Эрих Кох — гитлеровский рейхскомиссар оккупированной Украины.

И вот Николай Кузнецов решил воспользоваться празднеством, чтобы уничтожить Коха. Герой-разведчик знал, на что идет.

«Задание очень важное, — писал он, — и, чтобы его выполнить, нужно пожертвовать своей жизнью, ибо уйти из центра города после удара по врагу на параде совершенно невозможно. Я люблю жизнь. Я еще очень молод. Но потому, что Отчизна, которую я люблю, как свою родную мать, требует от меня пожертвовать жизнью во имя освобождения ее от немецких оккупантов, я сделаю это. Пусть знает весь мир, на что способен русский патриот и большевик. Пусть запомнят фашистские главари, что покорить наш народ невозможно так же, как и погасить солнце...»

Николаю Кузнецову не удалось привести в исполнение смертельный приговор: Эрих Кох уцелел. Этот срыв, пожалуй, единственный в серии дерзких и опасных акций, совершенных умным, бесстрашным и хладнокровно-предусмотрительным разведчиком.

А его завещание?

На конверте, в который оно было вложено, чернела надпись: «Прочитать только после моей гибели».

Человек, которому Николай Кузнецов передал тогда из рук в руки письмо-завещание, исполнил волю своего боевого товарища: он вскрыл конверт только после гибели легендарного разведчика — в марте 1944 года. Зовут этого человека Сергеем Трофимовичем Стеховым. В годы Отечественной войны он был комиссаром партизанского соединения, в рядах которого сражался Николай Иванович Кузнецов. Рассказ комиссара Стехова слушайте на звуковой странице.

Юрий ЧЕРНЯК,
специальный
корреспондент
«Кругозора»
г. Винница

Фото 1942 г.
Николай
Кузнецов
накануне
отправки
в тыл
противника.

ЗАВЕЩАНИЕ

РАЗВЕДЧИКА

СПОРТИВНАЯ ДОВЛЕСТЬ

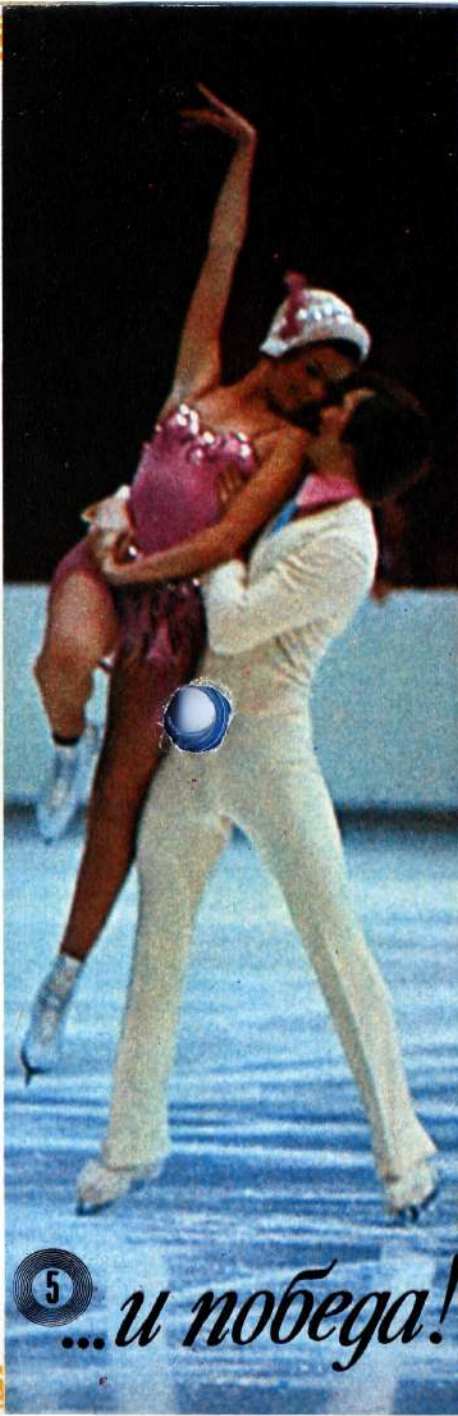
...Кадры спортивной хроники, снятые два десятилетия тому назад! Что же мы видим на них?

Закоеанский стадион, испепеленный калифорнийским солнцем. От его нещадного света кажутся выцветшими даже беговые дорожки. Забег на десять тысяч метров. На старт выходят четыре спортсмена. Бесстрастное сообщение за кадром: температура — плюс 35 градусов в тени. Внимание операторов переключается на участников соревнования. Вернее, на двоих, на лидеров. Вот они вместе в кадре. Бегут нога в ногу, шаг в шаг. Затем их показывают попеременно. Потом второй стал отставать. Движения его уже вялы. На лице — апатия. И вот критическая точка! Будто подстреленная птица, нелепо падает он на вираже. Его пытаются поднять, полагая, что спортсмен просто оступился. Нет! Это тепловой удар! Спортсмен не в силах продолжать состязание. Его уносят с арены...

А тот, другой, все продолжает бег. Его пошатывает, бросает из стороны в сторону. Заострились черты лица. Но все помыслы его там, на финише... У него хватает еще сил на то, чтобы вскинуть вверх руки и сорвать с головы полотняную шапочку. Победа!

И здесь же, за кадром, записанная на магнитную ленту много лет спустя реплика победителя этого забега. Советский атлет Хуберт Пярнакиви немногословен: «Если ты начал бежать, то надо бежать до конца!» Ну, пробежал. Победил. Молодец! Ну и что? — пожмет кое-кто плечами. Во имя чего же все-таки?

«Во имя победы!» — ответил заслуженный мастер спорта Игорь Тер-Ованесян, увидев этот киноэпизод. Человек, проживший в спорте долгую жизнь, знающий цену победам и

поражениям, он так пояснил свой ответ: — Во имя победы... В этом заложен великий парадокс спорта: затрачивая огромную энергию, борясь до последних сил, вы в эти минуты ощущаете радость, чувствуете себя счастливым. Вы могли победить».

Признание такого маститого спортсмена, разумеется, не исчерпывает весь спектр эмоций, которые испытывают участники состязаний. Да и возможно ли достаточно четко выразить словами, вывести некую всеобъемлющую формулу, вместившую бы в себя все переживания спортсмена, испытываемые в этот самый миг свершения?.. На виду у многотысячной аудитории. Под пристальным оком телекамер...

Рождение рекорда, сотворение победы происходят тут же, на ваших глазах. И каждый приходит к мигу свершения своим путем. И порой не всегда на этом пути победа добывается лишь крепостью мышц, ловкостью, отточенной техникой. Добывается также и характером!

Каждый из нас по-своему воспринимает и переживает события, разворачивающиеся на спортивной арене. Одних интересует ход борьбы, другим важен лишь результат ее, третьи восхищаются техникой, четвертые подмечают некую гармонию в действиях соревнующихся, красоту борьбы, пытаются проникнуть в характеры спортсменов...

Что же все-таки чувствуют в такие минуты сами участники состязаний и те, кто призван оценивать их действия?

На пятой звуковой странице разговор об этом продолжают судья международной категории Ирина Абсаламова, неоднократная чемпионка мира Мария Гигова, чемпионка Канады Барбара Березовски.

Валентин СКОРЯТИН

5

...и победа!

ЗНАКОМСТВА

Георгий Сирота слушал свою запись скрябинских поэм, сидя за режиссерским пультом, и со стороны трудно было понять, слушает ли он при этом самого себя или другого пианиста. Был тут момент некоего отчуждения, отделения музыки от исполнителя. Запись начинала свое собственное существование, и вы услышите ее в «Кругозоре».

Две поэмы Скрябина стали как бы продолжением разговора с Георгием Сиротой о романтической линии в музыке, линии, к которой музыкант привержен и которую намерен исследовать. А начиналась эта беседа дома у музыканта.

— Ведь поиск контакта с публикой,— заметил он,— идет прежде всего через эмоцию, через красоту, во всяком случае, для меня это так, и в этом, на мой взгляд, и состоит ценность «романтического континента» в музыке.

— Но ведь именно музыка романтиков — берем хотя бы весь прошлый век — настолько «на слуху» у слушателей, что здесь особенно сложно произнести свое собственное слово...

— Верно,— ответил музыкант.— Но вы не забывайте, что, во-первых, романтизм не до конца прочитанная глава в искусстве. Он не окончен. Он продолжается. И каждый из нас находит в нем свои линии и связи. И, кроме того, в зеркале нашего быстротекущего времени привычные ассоциации ме-

МИГ ОЗАРЕНИЯ

няются. Мы видим, как по-иному звучат теперь и Шопен и Шуман. В этом смысле эмоция музыканта, обращенная не только в прошлое, но и в будущее, должна выручить его, когда он выходит к публике с программой, где стоят знакомые слушателям до мелочей вещи.

Эта свежесть восприятия, дыхание сегодняшнего дня всегда были характерны для искусства Георгия Сироты. Его творческий результат

значителен и интересен. Определился он еще одиннадцать лет назад. Тогда 20-летний студент Московской консерватории только выступал на свой негладкий творческий путь. Были успехи и на Всесоюзном и на международных конкурсах. На Всесоюзном состязании он разделил вторую премию с Григорием Соколовым. Первая премия не была присуждена никому. Сироту подвел третий тур, в котором он, по

сути, впервые в жизни встретился с симфоническим оркестром в Третьем концерте Рахманинова. Не хватило опыта концертирования. Можно сказать, что это же помешало ему и на Шопеновском конкурсе в Варшаве и на конкурсе имени Чайковского в Москве, где он стал обладателем четвертого приза.

И вот, несмотря на то что Сирота оказался, по всей видимости, бойцом «неконкурсного плана», ему постоянно сопутствовали чрезвычайно высокие оценки, относящиеся к его таланту, мастерству, умной и яркой игре. Одна из этих оценок принадлежала его учителю, замечательному пианисту, педагогу и музыканту Льву Николаевичу Оборину, который говорил о Сироте так: «...увлеченный музыкой, он словно находится в ее стихии. Он легко и непринужденно преодолевает любые профессиональные трудности... старается избежать стандартности прочтения... от природы владеет великоленным поющим фортепианным звуком. Рояль под его пальцами, как правило, ведет волнующий разговор, и разговор этот всегда напоен большой мыслью, взволнованностью, горячим и искренним человеческим чувством. А это дано не каждому...»

Можно сказать, что это высказывание остается удивительно точным эпиграфом к творчеству Георгия Сироты. Пойдите на его концерт. И вы убедитесь в этом.

Наталья ЛАГИНА

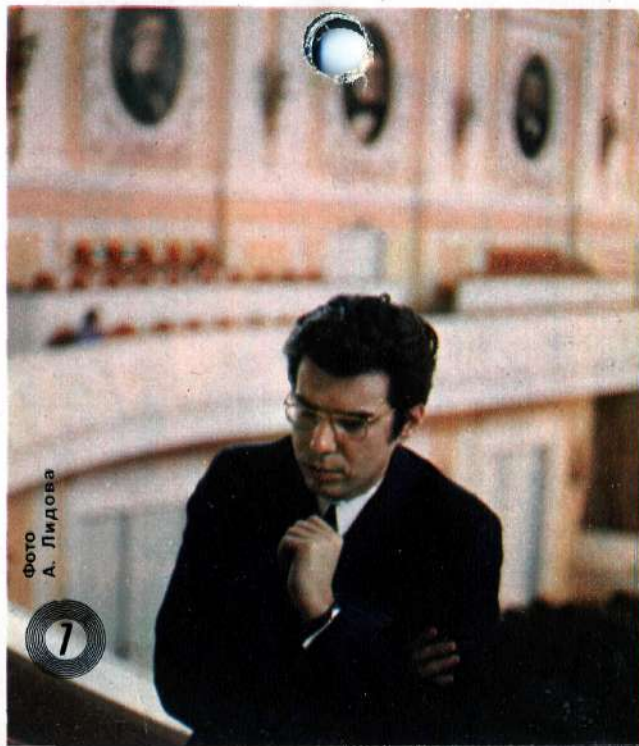

Фото
А. Лидова

Запись, которую вы услышите на четвертой звуковой странице, была сделана специально для «Кругозора» летом 1976 года.

Валентин Петрович Катаев читает страницы из своей новой книги.

МОИМ МОЛОДЫМ СОБРАТЬЯМ

ВАЛЕНТИН КАТАЕВ

4

Одна из особенностей литературного труда заключается в том, что он держит писателя в постоянном душевном напряжении. Творческий процесс не прекращается ни днем, ни ночью, даже во сне. Иногда вскакиваешь среди ночи и бежишь к письменному столу, чтобы записать мысль или исправить несколько строчек рукописи. Вероятно, это испытывали все писатели. Остановить этот непрекращающийся творческий процесс все равно, что погасить лампу. Мысли писателя постоянно вращаются в сфере его ремесла и обычно, сознательно или бессознательно, направлены на усовершенствование своей писательской техники. Писатель всегда испытывает потребность как-то сформулировать открытия, которые он делает во время своего творчества, подытожить накопившийся опыт. А опыт накапливается беспрерывно.

Далеко не всегда писателю выпадает счастье сделать в своей области истинное открытие. Это удел гения. Но надо примириться с пониманием того, что гении рождаются крайне редко. Чаще всего открытия, сделанные рядовым писателем, оказываются повторением уже чего-то открытого раньше. Но даже и такого рода повторные открытия приносят громадную пользу духовной жизни писателя, обогащают его вечными поисками нового, держат в состоянии творческого беспокойства, горения, без которого всякое искусство легко может превратиться в холодное ремесленничество.

Нам выпало счастье жить и трудиться в самой передовой, в самой новаторской стране мира. Уже само наше государственное устройство — Советская власть — является одним из самых выдающихся открытий новейшей истории и социологической науки. Ленин, который открыл для человечества эту наиболее совершенную форму общественного устройства, был великим новатором во всех областях своей общественно-

государственной деятельности. Новаторство стало основным двигателем всей нашей жизни. Во всех областях науки и техники царит дух новаторства, начиная от небольшого рационализаторского предложения где-нибудь в глубинном заводе, кончая мировыми открытиями советских ученых, завоеванием космоса или выдающимися достижениями медицины.

Советская литература живет, и не может не жить, по законам того общественного строя, сущность которого она выражает. Значит, советские писатели должны, говоря техническим языком, работать по самым высоким мировым стандартам. Русская литература девятнадцатого века по справедливости считается сильнейшей литературой мира. Имена Пушкина, Толстого, Чехова стоят в первых рядах мастеров современного художественного слова. Достоевский буквально обожен на Западе. Это обязывает всех нас, и старых и молодых советских писателей, ко многому. Мы не являемся людьми без рода и племени. Мы — прямые потомки наших великих предков, и мы обязаны, не жалея сил, развивать их драгоценное искусство слова.

Учась у классиков, мы должны и сами привносить нечто новое, свое, индивидуальное в дело дальнейшего развития советской литературы. За шестьдесят лет мы накопили большой художественный опыт. Нами создано немало замечательных произведений, известных далеко за пределами нашей Советской Родины. Однако не в наших традициях останавливаться на достигнутом. Перед нашей литературой стоят еще громадные задачи. По сравнению, например, с достижениями нашей советской музыки, по сравнению с достижениями науки и техники литература наша все же не достигла уровня, который бы соответствовал идейному уровню всей нашей сложной и во многом противоречивой действительности.

Говоря о противоречивости нашей жизни, я имею в виду диалектику ее развития, которая основывается на великом законе единства противоположностей. У каждого подлинного художника свой неповторимый творческий метод, но при этом нельзя также забывать о диалектическом материализме. Искусство наше в корне своим материалистично, а это прежде всего значит, что мы должны самым тщательным образом изучать окружающую нас социальную среду, а так как эта среда неоднородна, то для ее познания необходим не только позитивный аналитический метод, но и негативный метод самокритики, которую, кстати сказать, никто у нас не отменял, и она до сих пор должна состоять у нас на вооружении.

Трудно высказать здесь все, что накопилось у меня за годы моего писательского опыта, поэтому ограничусь наиболее, по-моему, важным. Прежде всего я пришел к убеждению, что писатель непрерывно должен учиться, совершенствовать форму, искать новые приемы. Новые приемы следует искать для каждой новой вещи: новый словарь, новый ритм, новый синтаксис, новую музыкальную основу. Достаточно внимательно вчитаться в

любого нашего классика, хотя бы в Гоголя, для того, чтобы понять, что каждое его произведение решительно не похоже на другое. Каждое написано, то есть построено, в совершенно иной архитектурно-живописной манере. «Тарас Бульба» ничего общего не имеет с «Носом», а «Невский проспект» почти диаметрально противоположен «Вечерам на хуторе близ Диканьки». Для каждой своей новой постройки писатель должен не брать готовый, а создавать особый, единственный строительный материал, подобно тому, как старые мастера живописи для каждой своей картины сами, собственноручно приготавливали краски и грунтовали холст.

Затем вредно сужать себя в теме, в материале. Я не понимаю писателей, которые ограничивают себя на всю жизнь одной какой-нибудь стороной общественного бытия. Надо касаться всех слоев общества. Чехов писал и о крестьянах, и о рабочих, и о генералах, и об учителях, и о мещанах, и о помещиках, он был энциклопедичен в самом лучшем значении этого слова. Толстой, Пушкин, Достоевский — то же самое. Поэтому запомните: нельзя быть в литературе узким.

Затем музыка, ритм в литературном произведении. Это основа основ. Мопассан считал, что главное — глаз. Я считаю, что главное — ухо. Тема рождается на музыкальной основе. Об этом очень хорошо рассказал Маяковский в своей статье о том, как он писал стихи на смерть Есенина. Вообще эту статью я рекомендую как одно из лучших пособий для понимания сущности литературного процесса.

Очень важно также разнообразие литературных жанров. Не занимайтесь в каком-нибудь одном: в романе или новелле. Пишите все: и романы, и очерки, и рассказы, и записки, и даже маленькие заметки. Все это обогащает личность писателя.

Очень важно, далее, понять, что такое в прозе повествовательное и что такое изобразительное. Одно повествовательного мало, так же как мало и одного изобразительного. В соразмерности изобразительного и повествовательного секрет хорошей прозы. Вы рассказываете, повествуете и как бы походя показываете, изображаете события. Или наоборот: изображаете и в то же время рассказываете. Важно, чтобы были соблюдены пропорции. Умейте вовремя прервать фразу и поставить точку.

И, конечно, юмор. Нет ни одного великого русского писателя, который бы не обладал в высшей степени чувством юмора. Не забывайте юмора. Без юмора невозможно создать хорошей прозы. Посредственный, серый писатель узнается прежде всего по отсутствию юмора. Помню, Алексей Толстой говорил мне как-то, что юмор, божественный юмор — это величайшая драгоценная особенность русской литературы. И я думаю, он абсолютно прав.

Самое же главное — это постоянная, ежедневная, усидчивая работа над словом. Пусть же вашим лозунгом будет: «Ни дня без строчки!»

Много хороших песен можно услышать в русских селах. Вольно разносятся они по полям, когда звонкоголосые девочки ладно поют, возвращаясь с жатвы. Без песни не обойдется ни одна веселая свадьба, ни одно праздничное гулянье. И что интересно: в каждой местности есть свои особые песни, нигде больше не известные. Недаром на Руси говорят: «Что ни город, свой норов, что ни деревня, то обычай». Иной раз редкую по красоте песню знают только в одном селе — в Афанасьевке, или в Шаталовке, или в Девьяевке. Как же сделать, чтобы такие малораспространенные, но яркие, выразительные произведения народно-музыкального искусства стали общим достоянием?

Этот вопрос задали себе участники фольклорного ансамбля при музыкально-педагогическом институте имени Гнесиных, студенты и выпускники отделения по подготовке руководителей народных хоров. Им довелось записать много замечательных песен во время учебных фольклорных экспедиций. И захотелось спеть их для других, причем спеть по возможности так, как поют каждую песню на ее родине, — без обработки, в естественном виде.

В репертуаре ансамбля есть песни очень древние, в далеком прошлом связанные с языческими обрядами. Есть плясовые, украшавшие прежде крестьянские праздники. Исторические песни знакомят нас с драматическими событиями минувших дней. Лирические — раскрывают красоту души русского человека. Тонким юмором пленяют частушки, страдания, словом, в фольклоре раскрываются самые разнообразные стороны народной жизни.

В. ЦУРОВ, кандидат искусствоведения

Фото Л. Лазарева

МУЗЫКА КИНО

ДВА ДЕНИСА

В новом телевизионном фильме «По секрету всему свету» всего четыре секрета: два в первой и два во второй серии. Как и о всех секретах, о них рассказывать не полагается — те-е! — странная тайна! Но если вы уже видели фильм — что ж делать, некоторые тайны вы открыли. Например, ту, что он снят по мотивам рассказов Виктора Драгунского о веселом и озорном мальчишке Денисе, с которым что ни день приключалась какая-нибудь невероятная история. И Денис по страшному секрету рассказывал их своему верному другу Мишке и еще папе с мамой, а также всем остальным своим знакомым от семи до семидесяти лет.

Денис ДРАГУНСКИЙ. Мой отец, писатель Виктор Драгунский, очень любил слушать истории, которые я по секрету ему рассказывал. Потом я вырос, сменил ранец на портфель и... совершенно разлюбил газировку с сиропом. Но рассказы, написанные отцом, я люблю по-прежнему, поэтому и попробовал помочь Денису перепрыгнуть со страниц книги на экраны и сел писать сценарий.

Работать над фильмом было весело и интересно. Почти для всех это была первая работа в кино: для меня — сценариста, для четырех режиссеров и для операторов тоже. И даже поставивший много картин Игорь Михайлович Добролюбов впервые в жизни был художественным руководителем такой молодой и непослушной компании. Зато очень опытен был исполнитель

главной роли десятилетний школьник Володя Станкевич...

Игорь ДОБРОЛЮБОВ. Во всяком случае, сам Володя — мой будущий Дениска — не сомневался в своей опытности. Он отлично знал рассказы Виктора Драгунского, и у него было свое мнение о Денисе. Вообще Володя очень самостоятельный человек.

Он пытался выдвигать свои требования и на съемках. И надо отдать ему должное — в отсутствии находчивости его не упрекнешь. Однажды он подошел ко мне и заявил:

— Сегодня я сниматься не буду.

— Разрешите узнать, почему?

— Сегодня Международный день защиты детей.

Но Вова — парень честный и поэтому, подмигнув мне, показал потихоньку, что в кармане у него билет на футбол. Вове пришлось сниматься, и по замыслу он должен был реветь. Как же роскошно он ревел!

Денис ДРАГУНСКИЙ. Во время съемок мы постоянно сравнивали двух Денисов — «книжного» и «экранного» — и очень волновались за них. Особенно я: будет ли Денис из фильма похож на того привычного, из книжки?..

На девятой звуковой странице песни

В. Шаинского и М. Танича из телефильма

«По секрету всему свету».

Исполняют Большой детский хор Центрального телевидения и Всесоюзного радио под руководством Виктора Попова и Геннадий Белов.

НА ПЕСЕННЫХ МЕРИДИАНАХ

СОПОТ-76

XVI фестиваль в Сопоте собрал представителей фирм грамзаписи из многих стран Европы, Азии, Африки, Америки. Напомним, что по условиям конкурса участники фестиваля должны были исполнить две произвольные песни из своего репертуара и одну песню польских авторов. Соответственно распределялись и призы. Большой успех выпал на долю певцов социалистических стран. Первую премию в конкурсе фирм грамзаписи (то есть за две произвольные песни) завоевала молодая болгарская певица Катя Филипова (фирма «Балкантион»). Приз «Янтарный соловей» за лучшее исполнение польской песни получила певица из Германской Демократической Республики Вероника Фишер (фирма «Нова»). «Гран при» фестиваля и «Янтарную пластинку Сопот-76» за совокупность репертуара и

вокального мастерства завоевала молодая советская исполнительница Ирина Понаровская, представлявшая фирму грамзаписи «Мелодия». Была она отмечена и специальной премией фоторепортеров. Ирина Понаровская — студентка Ленинградской консерватории по классу фортепиано, снимается в кино и поет на эстраде. В прошлом году на фестивале эстрадной песни в Дрездене она также завоевала первый приз. На звуковой странице «Кругозора» вы услышите в исполнении Ирины Понаровской песню композитора Александра Журбина на стихи Ильи Резника «Мольба», принесшую ей «Янтарную пластинку». И еще одного лауреата Сопотского фестиваля мы представляем читателям журнала на звуковой странице — певца и композитора Кшиштофа Кравчика (Польская Народная Республика, фирма «Тонпресс»). Советским слушателям он знаком по фестивалям солдатской песни в Колобжеге, где также был в числе лауреатов. В Сопоте Кшиштоф завоевал три награды: премию зрителей «Лесной оперы», премию журналистов и премию газеты «Дженник Балтыцки».

Кшиштоф Кравчик исполняет свою лирическую песню «Рисунок на стекле».

Итак, песни встречаются и прощаются в Сопоте. Но расставание будет недолгим. Через несколько месяцев вновь зазвучат фанфары в «Лесной опере» и на сцену выйдут участники следующего музыкального конкурса, который будет проходить, как проходили и все предыдущие, под девизом «Песня не знает границ».

Александр ЖИГАРЕВ
Фото Б. Палатника

Недавно под Москвой, в Переделкине, проходил семинар рассказчиков. Молодые члены Союза писателей из Москвы, Ленинграда, Томска, Краснодара, Хабаровска, Махачкалы, Барнаула и других городов Российской Федерации встречались со своими старшими товарищами.

Такой семинар проводился впервые. В его работе приняли участие Николай Атаров, Георгий Березко, Сергей Залыгин, Валентин Катаев, Леонид Леонов, Виктор Шкловский.

Предполагая знакомить читателя с работами участников семинара, «Кругозор» предоставляет страницы этого номера москвичу Борису Василевскому.

ДЕТСТВО В ДЕРЕВНЕ

Это отрывок из повести, которая так и называется — «Детство в деревне». Ее герой — городской мальчик, каждое лето уезжающий на каникулы к бабушке с бабушкой. «Наш дом стоял на бугре», — написал я однажды, и из этой фразы начало развертываться воспоминание, свободное, не связанное хронологией событий, потому что детство — это не событие, а состояние. Насколько длительно в человеке это состояние? Можно было бы сформулировать, например, так: детство кончается тогда, когда начинается воспоминание о нем, — но мне кажется, что это неверно, детство в нас гораздо более длительно и неизбывно, чем мы сами подчас отдаем себе в этом отчет.

Ну, а воспоминание о детстве вообще бесконечно, и, поставив точку в самом произвольном месте, можно всегда вернуться и начать сначала: «Наш дом стоял на бугре...» Детство — тема вечная, человек всегда будет вспоминать о нем не только из ностальгии как по счастливому, беззаботному времени, но и потому также, что в детстве закладывается все, что происходит с нами в дальнейшем. Я бы сказал: в любви к своему детству мне видится непереносимое условие любви к своим детям, и к другим людям, и вообще к жизни.

Борис ВАСИЛЕВСКИЙ

Чаще и полнее всего связываю я свое деревенское детство с лесом. Была рядом с нашим домом, на нашей же стороне речки небольшая роща под названием Руднево, туда я обычно и ходил. Тропинка по верху бугра, вначале натоптанная, становилась все приметнее, сбегала вниз — здесь, перед самой рощей, был луг, весь в цветах. Ромашки, колокольчики, незабудки, лютики — за совпадение этих названий с общепринятыми я ручаюсь, а еще у нас были свои, ребячьи: маленькие цветочки с малиновыми лепестками мы называли «часики», и точно, если поворачивать их между пальцами, начинали, как стрелки, вращаться, и набегать один на другой лепестки, еще были «коробочки», большие белые зонтики на полых высоких стеблях, они росли поближе к воде, и их можно было есть, ободрав со

стебля тонкую кожу, был «анис», были невзрачные серенькие метелочки, на которых мы загадывали «курочка» или «петушок», в зависимости от того, как эта метелочка, ровно или с торчащим хвостиком, оборвется. И еще было множество голубых, желтых, красных, белых, лиловых, названия которым я не знал и до сих пор не знаю, а среди всего этого великолепия, как мрачный гость на пиру, обязательно высился где-нибудь одинокий, грубый, толстый темно-зеленый конятник...

Через луг я мог и бежать, от обилия трав и цветов высоко, будто бежишь по мелкой воде, вскидывая ноги, но в лес я всегда вступал чинно, молча, сосредоточенно. И сразу сворачивал с тропинки влево, на маленькую полянку в окружении дубов — тут родились белые. Дальше у меня был ореховый куст, под ним, в преюющих листьях, скрывались желтушки — так у нас называли лисички, — аккуратные, цвета сливочного масла knobочки в начале лета, и они же большие, разлопушенные, с темными от старости, словно обугленными, краями к осени. Потом я шел к своему главному «белому» месту. И не надо было налетать, хватать, кричать «Чур, на одного!» — какое-то время я стоял и смотрел, еще и еще стараясь возобновить, продлить первое счастливое ощущение удачи. Затем начинал собирать, не торопясь, не трогая пока дальних, что на виду, прилежно глядя под ноги. Неизвестно откуда брались и оживали во мне наивные, суеверные ухищрения наших далеких предков — я благодарил гриб за то, что он мне попался, и просил у него прощения, что срываю его, и умолял кого-то послать мне «ну, хотя бы еще один, пусть самый маленький грибочек», а когда он находился, я снова горячо благодарил, и просил прощения, и молил: «Ну, а теперь самый-самый последний, и все! Честно...» И, спохватившись, добавлял: «На этом месте...» Со стороны это действительно могло показаться священнодействием: я ползал на коленях, ворошил листья, что-то, наверное, бормотал... Лес этот я знал наизусть, помнил не только все старые, надежные, не раз проверенные грибные места, но и случайные, где когда-то может быть, прошлым, а может, и позапозлым летом, наткнулся на одинокий подъяблоневый, или подосиновый, или белый. И в такие места я непременно заглядывал...

Хорошо было, например, бродить в Березках — так называлась опушка на противоположной стороне Руднева, где кончался слитный лес и шла полоса редких, разбросанных старых берез, за которыми зеленело или желтело, смотря по времени лета, ржаное поле.

Замечал ли я тогда прелесть окружающих меня полей, перелесков, пригорков, четы берез над желтой нивой? Намеренно, мне кажется, нет; никогда не останавливался я, не замирал в умилениях, любуясь видом, — все это незаметно, ненавязчиво входило в меня, становилось мною, дремало во мне, чтобы потом, спустя годы, пробуждаться счастливым, хватаящим за душу воспоминанием.

Долгое пребывание в лесу, наедине с собой не наскучивало, не тяготило и тем более не пугало меня. Кого и чего мог я бояться в моем мирном краю, где не было ни нагромождений

гор с пропастями, ни бездонных водных пучин, ни разбушевавшихся стихий, ни свирепых хищников, ни отвратительных пресмыкающихся? Единственный зверь, которого я видел в Рудневе, да и то всего раз, был заяц. Помню, как он бесечно выскочил на опушку, где я сидел, присел, оторопев, на задние ноги и — кинулся в поле. Вскочил в каком-то диком азарте и бросился было за ним и я, пока не сообразил, что это глупо: заяц был уже далеко, выметнулся на бугор и исчез... И из людей никто не встречался мне: деревенские из-за речки не ходили обычно в Руднево, у них был свой лес, по ту сторону деревни. Зато во множестве водились тут разные птицы, жуки, бабочки, кузнечики, шмели...

И как не мог я осознать «нашего» леса, на который когда-то указала мне бабушка, так естественно, не задумываясь, считал этот лес моим, он и до сих пор, в воспоминании, мой лес. Я любил его немногие тропинки, небольшие уютные полянки, два старых дуба, стоящих поодаль от опушки, не страшился его пронизанных солнцем щад, его темного оврага с пробивающимся на дне ключом и резким запахом трав и даже того мрачного урочища за оврагом, где всегда было сыро, глухо, деревья росли плотно, где ржавел папоротник и совсем не попадались грибы, разве что скрыпухи, истекающие на разломе горькой белой жидкостью, где птичьи голоса звучали реже и терялся тропинка — я знал, что если пойду вправо от нее и вверх, через несколько минут заголубеет небо между вершинами, и я окажусь в Березках, а если налево и вниз, то скоро сверкнет в кустах речка, та самая, что протекает мимо нашего дома.

Там, в лесу, у меня был и свой омут, где я купался. С моей стороны его закрывала старая толстая черемуха и ольховник, другой же его берег был открыт, чист, та половина омута прогревалась солнцем. Я раздевался на бугорке, пробирался сквозь заросли к воде, держась за ствол черемухи, ступал на ее нижний полустопленный сук, обрывался, замирая, в темную холодную глубину и поскорей выплывал из-под зеленого свода — туда, где из середины омута расходился навстречу солнцу снопы света...

В моем лесу я мог оставить целый день, захватив из дому лишь горбушку хлеба, огурец, яблоко... Под вечер, бывало, выйдешь на опушку, ляжешь в траву, раскинешь руки и смотришь в небо. Оно уж не такое ослепительное, палящее, как днем, синева сгустилась и неотвратно притягивает взор, и глядишь, глядишь, пока не перевертывается все: начинает казаться, что не лежишь под небом, а висишь над бездной, прилепившись спиной и распластанными руками к холодеющей земле, и сейчас она отпустит тебя и слетит туда, не камнем, отвесно, а плавно, большими кругами. И тут незаметно для себя как бы разделяешься: ты опускаешься все ниже и ниже, сужая круги, как в воронку, и ты же смотришь вслед себе, обращающемуся в точку, и тебе не то чтобы страшно, но невыразимо грустно при мысли, что никогда уж не вернуть себя из той вечерней бесконечной глубины...

Рисунок В. Былинкина

Мануэль Вильямар КУСИДО, второй секретарь
Национального комитета Союза молодых коммунистов
Кубы.

Летом 1978 года кубинские юноши и девушки примут у себя на родине участников Всемирного фестиваля молодежи и студентов. Я считаю, что благодаря своей разнообразной программе, духу солидарности и интернационализма кишиневская встреча стала важным шагом в подготовке к XI Всемирному фестивалю. Мы полностью убеждены, что с таким же настроением, энтузиазмом, приветливостью и организованностью в Гаване — столице социалистической Кубы, первой свободной территории в Америке, — на XI Всемирном фестивале еще раз встретятся представители молодежи Кубы и Советского Союза, объединенные высокими идеалами антиимпериалистической солидарности, мира и дружбы.

Рохелио ЭРНАНДЕС, член руководства Союза молодых коммунистов провинции Орьенте.

Когда я в самый первый день шел с двумя товарищами по московским улицам, к нам подошел молодой человек, чуть

ДРУЖБА- AMISTAD!

Пабло: Знаешь, есть в России чащи,

где стволы белым-белы:
будто сахар лег слепящий
на точеные стволы...

Лаура: Знаешь,

снег не так уж страшен,
как на Кубе говорят,
по душе кубинкам нашим
бег на лыжах в снегопад...

Людмила: Знаешь, мне доньше снится,

как волна, меняя цвет,
застывает, словно птица,
чтоб упасть на парашют...

Серхио: Знаешь, нет просторов шире,

чем в сибирской стороне.
Это счастье, что в Сибири
довелось работать мне!..

Петр: Знаешь, в тропиках не просто

в знойный день рубить тростник,
но, поверь, мачете острым
я орудовать привык!

Белинда: Знаешь, все в России любят
наше слово «амистад»!

Алексей: Знаешь, хорошо на Кубе
вдруг услышать:
«Здравствуй, брат!»

Павел ГРУШКО

уставший, очевидно, с работы. Узнав, что мы с Кубы, он радостно улыбнулся и сказал: «Вива Куба!», «Вива Фидель!», — обнял нас и расцеловал. Я считаю, что это был мой самый первый советский товарищ — человек с открытыми объятиями.

Исаак ГАРСИЯ, инженер с цементной фабрики города Мариель.

Во время поездки по Молдавии нас пригласила к себе в гости пожилая колхозница. В годы войны погиб, сражаясь с фашистами, ее муж. Советская власть помогла ей поднять на ноги детей. Все они собрались в тот вечер в родном доме. Все заслуженные люди в колхозе. В Советском Союзе потрясает всенародная любовь к героям. Я думал об этом, когда вместе со своими товарищами стоял в почетном карауле у мемориала Славы в Кишиневе во время митинга-реквиема.

Степан МИХАЛЬЧУК, секретарь партийной организации «Зернопрома» Молдавской ССР.

Тесное общение, прямой контакт между молодыми людьми разных стран приводят к возникновению элементарной

человеческой симпатии. Я, например, просто очарован ребятами с Кубы, да и они отвечают нам тем же. Мы делились своими победами и достижениями.

Впереди — XI Всемирный фестиваль молодежи и студентов в Гаване, который — я уверен! — станет большим шагом к миру.

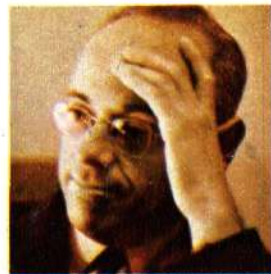
Из блокнота журналистки И. Хузми.

Фото Н. Белецкого и А. Абаза

С. ЛЕМ,
писатель (Польша).
Звуковой рассказ
«Контакты
с инопланетянами?» (№ 5).

Л. ПАРФЕНОВА,
ткачиха,
Герой
Социалистического Труда,
лауреат Государственной
премии СССР (Калинин).
Монолог
«Я одна из вас» (№ 2)

М. НЕЁЛОВА,
актриса,
лауреат премии
Ленинского комсомола.
Монолог
«Актер и время» (№ 8).

В. ТРЕТЬЯК,
заслуженный мастер
спорта СССР.
Звуковой рассказ
«Все за одного» (№ 1).

В. КАРАСЕВ,
художник.
Обложки журнала
«Колобок» (№ 1, № 6).

Редакция журнала «Кругозор» отметила как лучшие следующие материалы, опубликованные в 1976 году

СЛУШАЙТЕ В НОМЕРЕ:

1. **Пуск!..** В звуковую летопись Страны Советов.
2. **Быть увлеченным.** Монолог Героя Социалистического Труда авиаконструктора **О. К. Антонова.**
3. **Мой друг—Николай Кузнецов.** Вспоминает комиссар партизанского отряда **С. Т. Стехов.**
4. **В. П. Катаев** читает отрывок из своей новой книги.
5. **Красота и мужество.** Размышления известных спортсменов **И. Абсальямовой (СССР), М. Гиговой (Болгария)** и **Б. Березовски (Канада).**
6. Музыка композитора **Паула Дессау (ГДР).**
7. **Пианист Г. Сирота:** две поэмы Скрябина. Запись «Кругозора».
8. **Народные песни** в исполнении фольклорного ансамбля института имени Гнесиных. Комментирует записи руководитель ансамбля **В. Щуров.**
9. Песни **В. Шаинского** и **М. Танича** из телефильма «По секрету всему свету».
10. Поют **И. Понаровская (СССР)** и **К. Кравчик (Польша).**
11. **Фестиваль дружбы** советской и кубинской молодежи.
12. **Клифф Ричард (Великобритания):** «Если ты меня покинешь» и «Люби только меня».

© ИЗДАТЕЛЬ:
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
КОМИТЕТ СОВЕТА
МИНИСТРОВ СССР
ПО ТЕЛЕВИДИЮ
И РАДИОВЕЩАНИЮ
1977 г.

На первой странице
обложки
рисунок художника
Г. Спирина.

Звуковые страницы
изготовлены Всесоюзной
студией грамзаписи
фирмы «Мелодия»
и Государственным
Домом радиовещания
и звукозаписи.

Сдано в набор
23/XI-76 г.

Б 05862.

Подп. к печ.

30/XI 1976 г.

Формат

60 × 84¹/₁₂

Усл. п. л. 1,24

Уч.-изд. л. 2,03

Тираж 500000 экз.

Зак. 3119. Цена 1 р. 20 к.

Ордена Ленина
и ордена Октябрьской
Революции типография
газеты «Правда»
имени В. И. Ленина
125865, Москва, А-47,
ГСП, ул. «Правды», 24.

Главный редактор **В. С. КРЮЧКОВ**
Редакционная коллегия:
В. В. ГАСПАРЯН (зам. главного редактора),
А. Б. ДИХТЯРЬ, **И. Д. КАЗАКОВА**, **Л. Э. КРЕНКЕЛЬ**,
А. Г. ЛУЦКИЙ (главный художник),
Н. П. СУББОТИН (главный режиссер)
Технический редактор **Л. Е. Петрова**

Пишите
нам
по адресу:

113326, Москва,
Пятницкая, 25,
«Кругозор».

СОРАТНИКИ В БОРЬБЕ, ТОВАРИЩИ В ИСКУССТВЕ

В этом домике очень большие окна. Когда они открыты, кажется, что распахнута стена и можно просто шагнуть в сад. За деревьями поблескивает серебряное озеро, и оттуда доносится мерный рокот моторов—тяжелые баржи тянутся к Берлину.

Здесь, в предместье столицы ГДР, живет один из замечательнейших музыкантов Европы—композитор **Пауль Дессау**. Когда перелистываешь страницы его биографии, то невольно возникает мысль, что перед тобой еще одна музыкальная летопись мира, его звучащая хроника, охватывающая последние шестьдесят лет.

МУЗЫКАЛЬНАЯ

Но человек, сидящий передо мной и помешивающий ложечкой дымящийся кофе, меньше всего похож на летописца, склоненного над нотным фолиантом.

Дессау изящен, высок, спортивен, динамичен, порывист, и лишь с большим трудом можно представить себе, что начинал он свою жизнь в музыке еще до первой мировой войны. Что игре на скрипке (**Дессау** собирался быть скрипачом) его учил воспитанник **Шевчика**, а игре на рояле—**Эдуард Бем**—ученик **Брамса**. Что на заре своей дирижерской деятельности он работал с **Вейнгартнером**, **Никишем** и **Бруно Вальтером**. И далее его путь в музыкальном космосе нашего столетия пролегал через сотрудничество с такими блестящими мастерами в сопредельных областях искусства, как **Дисней** в кино или **Брехт** в театре.

Но главное—это музыка самого **Дессау**, которая отмечена печатью нашего времени и сама является его звучащей вехой. Эта современность творчества **Дессау** имеет определенный знак. Знак прогресса, антифашизма, коммунизма. И в черном для Германии 1933 году **Дессау** вынужден покинуть родину. В годы эмиграции он пишет песни, которые звучат на улицах республиканского **Мадрида**.

После разгрома фашизма **Дессау** возвращается домой, в Германскую Демократическую Республику, пишет оперы, инструментальную музыку, создает партитуру к первому фильму в ГДР о Советском Союзе—ленте **Торндайков «Русское чудо»...**

Мы говорим с ним, я вслушиваюсь в его темпераментную речь, стенографирую ее... Вот фрагменты беседы с **Дессау**.

— Что вы думаете о слушателе неискушенном, том «человеке с улицы», который пришел в зал?

Дессау. Быть может, скажем так: не с улицы, а с фабрики. Он лучше, чем слушатель с бюргерской закваской. Он беспристрастен, у него нет предвзятого мнения. Рабочий человек ценит труд других людей, работающих и в области искусства. Этот человек с одинаковым интересом слушает Моцарта, Бетховена или иную музыку. Он не говорит: «Ох, уж мне эти современные композиторы! У них пропасть фальшивых нот!» Я упрощаю. Но я сам наблюдал. Я видел.

Недавно был на заводе локомотивов, встречался с лейпцигскими рабочими — они-то и есть наши лучшие слушатели. Раньше эти люди были вычеркнуты буржуазией из сферы культуры. Они теперь радуются, приобщаясь к ней. А

ПАЛИТРА ПАУЛЯ

их непредубежденности могут поучиться и критики. Но критики ведь были и у Бетховена и у Баха...

— Как шла работа с Брехтом?

Дессау. Это была работа с великим человеком. Этим многое сказано. Кроме того, Брехт был начисто лишен эгоизма. Был внимателен ко мне до предела. Я давно хотел написать оперу об Эйнштейне. Еще во время войны, когда жил в США. Я быстро написал либретто. Когда не умеешь как следует что-то делать, делаешь быстро, не так ли? Я собрал себе в помощь книги — Брехта, Библию, Бехера — и в Париже пошел к Брехту. Набравшись храбрости как псевдописатель, показал настоящему писателю то, что сделал. Брехт заинтересовался, тем более что я собирал материал, как пчела. Он мигом все прочел и сказал: «Не так уж плохо!» А затем написал для меня конспект оперы на одной страничке. Уверяю вас, там было все, что надо.

Или другая опера — «Осуждение Лукулла». В довоенном варианте пьесы Брехта последняя ремарка была такая: «Суд удаляется на совещание». А потом грянула война, был Нюрнберг, судили современных лукуллов, надо было произнести приговор и нашему разбойнику. Я написал Брехту, кажется, в Цюрих — он был там, тут же взялся за дело и примчался из Цюриха с новым финалом. И вот это внимание, острота восприятия были характерны для всех моих работ с ним — «Матушки Кураж», «Пунтилы» «Круглоголовых и острогололовых». И я учился у него скупости формы, брехтовскому «произношению» оперного текста.

— Песенный фактор в вашем творчестве...

Дессау. Песня обогащает композитора. Во-вторых, слушатель лучше ориентируется в океане музыки, который его окружает. Это открыто не мной. Многие хоралы Баха, так

сказать, «не его». Он их лишь гармонизовал, мелодии были взяты из народного родника либо у старых мастеров.

Возьмите нынешнее время. Есть русская революционная песня «Смело, товарищи, в ногу». Она так хороша, что было бы ошибкой пренебречь ею. И в своей «Социалистической праздничной увертюре» я обратился к ней. Это важный кирпичик в нашем симфоническом строительстве.

Александр ЖОЛКВЕР,
собственный корреспондент
Центрального телевидения и радиовещания в ГДР

Берлин

ДЕССАУ

6

На звуковой странице творчество Дессау представлено фрагментами его симфонического письма (оркестровая музыка № 3), оперного (монолог торговки рыбой из «Осуждения Лукулла») в исполнении Кароль Герлих), отрывками из «Маленькой песенки» на брехтовский текст в записи Гизель Май и из «Колонны Тельмана».

КЛИФФ РИЧАРД

Цена 1 р. 20 к. Индекс 70461

ЭСТРАДА ПЛАНЕТЫ

Великобритания

Клифф Ричард стал знаменитым буквально на следующий же день после того, как напел свою первую пластинку «Танцуй». Имя еще вчера неизвестного заводского клерка появилось на первых страницах лондонских газет, его голос зазвучал по радио, его песня была признана слушателями и критикой одним из самых популярных шлягеров сначала недели, потом месяца, наконец, года.

В ту пору Клиффу исполнилось 19 лет, специального музыкального образования у него не было, и потому кое-кто из скептиков поспешил объяснить внезапность его шумного успеха очередным капризом моды, называя юного певца «Клиффом на час».

Клифф Ричард родился в октябре 1940 года в индийском городе Лакхнау. Когда ему исполнилось 7 лет, родители возвратились в Англию, и отец начал работать на одном из лондонских заводов. Музыкантов в семье не было, и Клиффу предстояло пойти по отцовским стопам. Что он и сделал, едва окончив школу.

Однако еще в старших классах он увлекся игрой на гитаре и пением, стал непременным участником школьных музыкальных вечеринок и импровизированных концертов.

— Моим кумиром в то время, да и сейчас тоже, был певец Элвис Пресли,— говорит Клифф Ричард.— Я пытался подражать ему, хотя уже тогда понимал разницу между копией и оригиналом. Мастерство Пресли аккумулировало мое собственное тщеславие, заставляло меня быть предельно требовательным к самому себе.

Клифф Ричард умеет на эстраде все: великолепно поет, играет на гитаре, легко движется, танцует, некоторые песни в его репертуаре, в том числе и те, которые он исполняет на звуковой странице, написаны им самим. Однако в большинстве случаев он все же предпочитает сотрудничать с профессиональными композиторами и музыкантами, среди которых следует прежде всего назвать ансамбль «Тени», выступавший вместе с Ричардом 10 лет кряду.

Александр МАРЬЯМОВ